

следующий по порядку шаг, который предстоит ей сделать в её историческом развитии. И он чувствовал себя только *поводом и опорной точкой*, чтобы она пришла в это движение... Первенство получает не человек и состояние его души, а *язык*, которым он хочет его выразить. *Язык, родина и вместилище красоты и смысла, сам начинает думать и говорить за человека*» [1: 251].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Пастернак Б. Л. Доктор Живаго: Роман. – М.: АСТ, 2008. – 704 с.
2. Пастернак Б. Л. Об искусстве. – М.: Искусство, 1990. – 399 с.
3. Пастернак Б. Л. Стихотворения и поэмы: В 2 т. – Л.: Советский писатель. Ленингр. отд-ние, 1990. – Т. 2. – 366 с.
4. Тютчев Ф. И. Стихотворения. Письма. – М.: Правда, 1987. – 544 с.

УДК 81`37

И. Б. Хоменко

ПРЕДИКАТ «КАЗАЛОСЬ»: УМОЗАКЛЮЧЕНИЕ ВЕРОЯТНОСТНОГО ТИПА

В статье анализируются отклонения от нормы, эксплицированные при помощи предиката «казалось». Выделяется круг лексем и устойчивых конструкций со значением гипотетичности, недостоверности, которые, употребляясь в одном контексте с предикатом «казалось», формируют умозаключение вероятностного типа.

Ключевые слова: предикат «казалось», норма, антинорма, неопределённость, значение ирреальности.

Предикат *казалось* фиксирует отношение человека к действительности. Происходящее оказывается не подкреплённым прошлым опытом, наоборот, противоречит ему, поэтому возникает представление о том, что этого не должно быть, а, следовательно, в реальности данного факта возникает сомнение, которое вызывает представление о том, что это «кажется»: *...произошло нечто необыкновенное, чему трудно поверить и что самому Нилову казалось сном* (Чехов. Волк). Ситуация представляется как «отсутствующая в актуальном мире: она может <...> относиться к возможному миру, отличному от действительного» [4: 111].

Глагол *(по)казалось* реализует значение, которое А. А. Зализняк эксплицирует следующим образом: «Х считает, что, скорее всего, Р» [4: 145], то есть выражает мнение-предположение и содержит вероятностную оценку пропозиции. «Мнение, – как отмечает Ю. Д. Апресян, – обычно является результатом <...> выбора волевым актом той интерпретации, которая в наибольшей мере соответствует личному опыту субъекта и которую он готов защищать как истинную» [1: 1129–1130].

Слово *казаться* можно соотнести со словом *как бы*. Общим для них компонентом будет указание «на совершенно особый статус пропозиции: нечто, одновременно существующее и не существующее: этого, может быть, и нет, но мы считаем, что это есть, и тем самым это *как бы* есть [4: 199]. То есть все представления могут оказаться мнимыми, ложными, не ясна степень достоверности сообщаемого. Субъект в данном случае пытается отмежеваться от оценки. Предикат вводит субъективный признак, что предполагает возможное наличие по данному поводу другого мнения. С точки зрения разной степени уверенности говорящего в истинности высказывания, предикат *казаться* противопоставлен предикату *быть* в том плане, что они отражают разную степень уверенности в истинности высказывания. При употреблении глагола *казаться* «устанавливается отношение объекта к концептуальному миру субъекта, а не к положению вещей в мире» [3: 103]. Таким образом, ситуация оказывается включённой в возможный мир наблюдателя, но при этом может совпадать, а может и не совпадать с фактическим положением вещей. В данном случае вместо знания реального положения дел на первый план выступает то, что субъекту «кажется», которое моделирует новый мир, где только и истинно то, что субъекту «кажется». Происходит отражение ощущения, возникшего на основе анализа чувственных данных, нарушения каких-либо норм приличия и правил поведения. Предикат *казалось* отнесён А. А. Зализняк к семантическому классу «неотчётливое восприятие / неуверенное мнение» [4: 497]. Он задаёт гипотетический статус, указывает на неоднозначность видимой реальности, расхождение внешнего и внутреннего, формы и сути. Данный предикат информирует о том, что у говорящего есть основания так считать, но основания эти не полностью детерминированы, и формирует умозаключение неопределённого, вероятностного типа. Можно представить, что такое положение вещей может быть, поскольку знания говорящего не препятствуют возникновению у него мнения о возможности некоторого положения дел.

Предикат *казалось* связан или с объектным событием, или с внутренним событием. Значение ирреальности, главным выразителем которого он является, связано со значениями неопределённости, непривычности, таинственности. Это мир сновидений, фантазий, мир сверхъестественного. Этот мир не членится с позиций нормальное / ненормальное. Эта оценка может быть привнесена в него из реального мира, но она в данном случае будет пытаться отождествить неотождествимое.

Необычное, странное начинает трактоваться как сон, фантазия и т.п. «изменённые состояния», которые переносят субъекта в область ирреального, где всё, что попадает в сферу восприятия субъекта, функционирует в семантическом пространстве, заданном предикатом *казалось*, переводящим сообщаемое в область воображения и одновременно устанавливающим связи между объектами разных реальностей. Данный предикат задаёт в контексте общее значение неопределённости, которое формулируется как неуверенность говорящего в достоверности сообщения и – более того – ил-

люзорности происходящего. Прежде всего, значение ирреальности связано со сном, сновидением: ...ей казалось, что это какой-то нелепый сон (Салтыков-Щедрин. Господа Головлёвы); ...она чувствовала себя точно во сне (там же); ...какая странная пустота открылась передо мной на том месте, где я привык видеть Водопьяный переулок. Его не было. <...> Пустота казалась мне незаконной, противоестественной, как то непонятное, незаконное пространство, которое иногда приходится преодолевать во сне (Катаев. Алмазный мой венец); Помещение, как всегда во сне, было неопределённым: не то зал, не то подвал, то ли много раз посещаемое, то ли я оказался там впервые (Битов. Записки из-за угла); Зрители, вскочив с мест, кричали, как исступлённые, двигались, махали платками, но всё это казалось Арбузову давно знакомым сном – сном нелепым, фантастическим и в то же время мелким и скучным по сравнению с тоской, разрывающей его грудь (Куприн. В цирке); Затем настало странное время, похожее на сон человека в параличе (Куприн. Гамбринус).

Сопряжённость нереальности и сна – самая продуктивная связь в языке. Сон отождествляется с временным пребыванием в ином мире. Сон – это особое физиологическое состояние, при котором полностью или частично прекращается работа сознания. Именно поэтому состояние сна можно назвать «изменённым состоянием». Человек в нём полностью утрачивает способность активно вмешиваться в происходящее, влиять на ход событий, т.е. каким-то образом упорядочивать, нормировать то пространство, в которое он помещён. Мир сна, сновидений – это мир, альтернативный действительному. Кроме того, это единственный доступный человеку способ общения с сакральным миром. Нереальность (не-явность) выступает во сне как зеркальное отражение реальности. Реальность определённым образом трансформируется в инобытие: событие сновидения часто тождественно внешнему событию, которое и является его причиной. В мнимом пространстве сна находится условно внешний мир. Со своей стороны иной мир посылает сознанию определённые сигналы, которые человек пытается истолковать, на основе которых возникают предчувствия, направленные уже на действительную, реальную жизнь. Таким образом, сон – это событие знаковое и значимое. Сон – это один из возможных миров. Только в нём (в данный момент времени и в данном мире) может быть истинным то положение дел, о котором повествуется. Для другого мира оно признаётся невозможным.

Кроме того, «изменённое состояние», в котором всё происходящее «кажется», потому что в точности отражения реальности в его сознании человек не уверен, может эксплицироваться такими лексемами, как *бред*, *галлюцинация*, *фантазия*, *гипноз*.

Бред ('расстройство мыслительной деятельности'), **галлюцинация**: ('явление обмана зрения, слуха, обоняния и т.п. вследствие психического расстройства'): *Жизнь Берлиоза складывалась так, что к необыкновенным явлениям он не привык. <...> –...ты знаешь, Иван, у меня сейчас едва удар от жары не сделался! Даже что-то вроде галлюцинации было, – он попы-*

тался усмехнуться, но в глазах его ещё прыгала тревога, и руки дрожали (Булгаков. Мастер и Маргарита). Таким образом, бред, галлюцинация – это нецеленаправленный обман. Заметим и включённость в значение слов семы «расстройство» (т.е. нарушение порядка, нормального состояния чего-нибудь), которое в данном случае подразумевает заболевание, нарушающее нормальные функции сознания.

Фантазия, воображение: *Этот двадцатилетний мальчуган с детства отличался странными фантазиями, мечтатель и чудак. Его полюбила одна девушка, а он взял и продал её в публичный дом* (Булгаков. Мастер и Маргарита); *...есть <...> вещи, которых не знает никто, и всё, что мы о них знаем, всего лишь наши или чужие воображения <...> Это <...> что думает человек, Икс – Игрек – Иванов, который другой, не ты* (Битов. Жизнь в ветреную погоду). Данные лексемы задают интерпретацию несоответствия между действительностью и представлением о ней (её преломлением в сознании) в рамках того, что «казалось», т.е. переводят факты из ранга реального в ранг нереального, гипотетичного. В данных лексемах изначально заключено значение гипотетичности, недостоверности, незащитительствованности, поскольку это иной мир, в котором не применимы опыт и знания, полученные в ходе освоения «своего» мира. С фантазией связано и представление об ином мире как мире «внеземном», мире других цивилизаций, т.е. не просто чужом, а таком мире, который живёт по принципиально иным законам. Поэтому необъяснимость или глупость поведения человека, незнание или несоблюдение элементарных общеизвестных правил может быть эксплицировано устойчивой конструкцией «с луны свалиться» ('не понимать того, что очевидно, что понятно всем'): *Ну, куда вы едете? Ну, на что вы рассчитываете? Что вы, с луны свалились?* (Зощенко. С луны свалился).

Гипноз (состояние, похожее на сон или полусон, вызываемое внушением и сопровождающееся подчинением воли спящего воле усыпляющего): *Никому не приходило в голову жаловаться: наступил какой-то обидный чудовищный, злоеющий кошмар; какой-то нелепый гипноз овладел полком* (Куприн. Поединок).

Как изменённое может быть рассмотрено состояние ощущения внутренней раздвоенности или раздвоенности внешнего мира. Раздвоенность говорит об утрате цельности, ясности, о наличии внутренних противоречий. Раздвоенность может быть характерна не только для человеческого сознания, но и для внешнего мира, преломляемого в сознании. Например: *Не успеешь оглянуться, как втянешься опять в эту жизнь», - подумал он, испытывая ту раздвоенность и сомнения, которые в нём вызвала необходимость заискивания в людях, которых он не уважал* (Толстой. Воскресение); *Тайна и двойственность зыбкого времени выразилась прежде всего в том, что был человек в кресле вовсе не Василий Иванович Лисович, а Василиса <...> То есть сам-то он называл себя – Лисович, многие люди, с которыми он сталкивался, звали его Василием Ивановичем, но исключительно в упор. За глаза же, в третьем лице, никто не называл инженера*

иначе как Василиса (Булгаков. Белая гвардия); Не удивляйся на меня. Я всё та же... Но во мне есть другая, я её боюсь – она полюбила того, и я хотела возненавидеть тебя и не могла забыть про ту, которая была прежде. Та не я (Толстой. Анна Каренина). Экспликация раздвоенности (я / не-я) при помощи слова *другая* включает в себя следующие значения: это, во-первых, выделение *отдельного*, хотя и не определённого точно объекта, а, во-вторых, указание на то, что этот другой не является тем, каким был раньше, отличается от того, каким был прежде.

Всё необычное, зафиксированное как принадлежность мира ирреального, считается ненормальным для мира вообще (без каких бы то ни было ограничений) и поэтому изгоняется нашим сознанием в «другой» мир, инобытие – мир сверхъестественного, мир сновидений, т.е. некоего изменённого состояния. Всё сказанное в данном случае не обязательно является достоверным, велика субъективность оценки явлений этого порядка. Зачастую человек даже не понимает, существует ли наблюдаемое в действительности, или это плод его воображения, искажения действительности: *Положение до того странное, что мне иногда кажется, что всё это происходит не со мной (Устинова. Пять шагов по облакам).* Многочисленные контексты подтверждают наличие в сознании «другого» мира, жизнь в котором идёт по каким-то другим, непонятным из «этого» мира законам: *Всево несколько минут назад все эти сто человек ходили, смеялись, разговаривали, бранились <...> и вот они, все до одного, лежат неподвижные, стонущие и храпящие, объятые и унесённые какой-то другой, непонятной, таинственной жизнью (Куприн. Ночная смена).*

Отклонения от нормы, эксплицированные предикатом *казалось*, освоить нельзя. Они каждый раз сугубо индивидуальные, не позволяющие опереться на чужой опыт. Даже повторяясь, они не переходят в статус нормального. Связано это с тем, что, желая дать объяснение тем или иным фактам, субъект пытается отождествить неотожествимое – реальное и ирреальное. Пытаясь отождествить внешнее и внутреннее, явь и сон и т.п., человек, основываясь на ассоциативных связях между реальным и ирреальным миром, приходит к выводу об их нетождественности и делает вывод о необычности вторых членов пары, тогда как в данном случае речь надо вести о неотожественности.

В ирреальном мире тоже существуют свои ограничения в степени отклонения от нормального, устойчивым способом передачи которых являются высказывания «такое, что и выдумать нельзя»; «что и во сне не приснится». Подобные оценочные характеристики даются объектам реального мира и содержат одновременное указание на большую свободу, меньшую заданность каких-либо ограничений и на то, что реальность иногда превосходит все самые смелые фантазии: *Он бывал на всех многолюдных ярмарках, куда внутренность России <...> наезжала веселиться брочками, таратайками, тарантасами и такими каретами, какие и во сне никому не снились (Гоголь. Коляска); В Петинной жизни странные случаи бывали. Если б написать – сказали бы, что придумано. В романах даже и то так не*

случается (Гиппиус. Чёртова кукла).

Особенность оппозиции норма / антинорма как одного из базовых представлений о мире заключается в том, что она асимметрична относительно таких понятий, как реальность / ирреальность: норма функционирует в пространстве реального, антинорма находит своё проявление в обоих пространствах. Амбивалентность антинормы с этой точки зрения проявляется в том, что реальность ставится под сомнение, ирреальность же, как зеркальное отражение реальности, оказывает воздействие на осмысление реального мира.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Апресян Ю. Д. Считать, думать, полагать, находить, рассматривать, смотреть, усматривать, видеть // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. 2-е изд. – М.: Языки русской культуры, 2004. – С. 423–432.
2. Арутюнова Н. Д. Аномалии и язык // Вопросы языкознания. – 1987. – № 3. – С. 3–19.
3. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. – М.: КомКнига, 2006. – 280 с.
4. Зализняк А. А. Многозначность в языке и способы её представления. – М.: Языки славянских культур, 2006. – 672 с.